

точнике более позднем — говорится только о шведах, которые, улучив момент, когда было «Батыево пленение на Руси... надеяшаяся оставшую Русь поглотити». Иначе говоря, на крайний случай автор готов принять точку зрения советских историков лишь в применении к шведам, но только не относительно Ливонского ордена и папства.

А между тем правы именно советские историки. Речь идет не о каком-то заговоре, речь идет о традиционной политике Ордена и папства по отношению к России. Под Псков и Новгород ливонских рыцарей привела дорога протяженностью более двух веков. Все, что лежало на их пути, было завоевано мечом и крестом. Крестоносные отряды вышли теперь на рубежи русских земель. Та же Никоновская летопись сообщает, что битве на Чудском озере предшествовала борьба за Копорье и Псков. О прямом захвате русских земель говорит тот факт, что рыцари «приидоша на Псков... и наместников своих посадиша на Пскове».⁶

И разве случайно, что нашествие немецких крестоносных отрядов на Русь хронологически совпало и со шведским нашествием, и с татарским завоеванием? Совершенно очевидно, что для Швеции и Ордена сложилась благоприятная ситуация: пользуясь тяжелым положением Русского государства, попавшего под удар монголо-татар, шведы и Орден пытались захватить русские территории, уцелевшие после татар. И если средневековому западному хронисту и русскому летописцу это могло казаться результатом «божьего соизволения», то современному историку такое объяснение никак не может казаться убедительным. Уже авторы Никоновского свода не сомневались, что шведы, пользуясь нашествием татар, пытались овладеть остатками русских земель.

В этом свете и выступает огромная роль побед Александра Невского: в тяжелое время, когда волна монголо-татар захлестнула Русь, этот полководец отстоял остатки Русского государства от западных завоевателей. Гюнтер Штёкль выражает недовольство тем, что фигура Александра Невского получила в русской историографии несколько антизападную трактовку. Однако при оценке деятельности этого князя надо принимать в расчет все три слагаемых: Россию, монголо-татар и Западную Европу. В частности, русская демократическая историография XIX в. не раз интересовалась историческим значением борьбы России с монголо-татарским игом. Декабристы Никита Муравьев и Михаил Лунин указывали на то обстоятельство, что русский народ загородил собой Западную Европу от монголо-татарского вторжения. Силы народа, необходимые для борьбы за исторический прогресс, были поглощены борьбой с татарами. А. С. Пушкин писал, что необозримые равнины России «поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработленную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующеся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией».⁷ В этом же плане писал А. И. Герцен; такого же мнения был Н. Г. Чернышевский, указывавший, что русские по отношению к Западу были «спасителями от ига монголов, которое сдерживали они на мощной вые своей, не допустив его до Европы...».⁸ Нападение Швеции и Ордена на новгородские и псковские земли было ответом «благодарной Европы» на исторический подвиг России. Стоит ли в этом случае обижаться, что Александр Невский рисуется русским фигурой антизападной. Противники, с которыми ему пришлось сражаться, приходили не с Востока.

⁶ ПСРЛ, т. X, СПб., 1885, стр. 125.

⁷ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. II. М., 1949, стр. 268.

⁸ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. XIV. М., 1949, стр. 48.